

Веймарская республика: история неудавшейся демократии

Аннотация. Во вводной статье представлены итоги работы конференции, состоявшейся в Волгограде в 2014 г., которые нашли свое выражение в материалах журнала. Речь идет как о достижениях современной германистики в России и немецких ученых, так и о проблемах, остающихся дискуссионными. Демократический потенциал Германской революции 1918–1919 гг. был реализован только на уровне деклараций и правовых документов, он не стал руководящей линией поведения ни для активной части населения, ни для государственных структур. Статьи обосновывают данный вывод на примере идейного климата Веймарской республики, поведения военной и политической элиты, дипломатического корпуса. В них представлен практически весь спектр тем и мнений, которые характеризуют современное состояние историографии Веймарской Германии. Автор отмечает тематическую преемственность и генетическую неразрывность российской и советской науки в изучении первых лет веймарской истории и в то же время фокусирует свое внимание на новейших трендах современного взгляда на Германию после завершения Первой мировой войны. Некоторые проблемы, активно изучавшиеся ранее, и прежде всего социально-экономические преобразования на этапе становления Веймарской республики, ныне отошли на второй план и не пользуются спросом у молодого поколения историков.

Ключевые слова: Первая мировая война, германская революция, Веймарская республика, демократический транзит, рейхсвер, рейхспрезидент, дипломатия, фашизм, историография, элиты.

Review. This introductory article presents the results from the work of the conference held in Volgograd in 2014, the proceedings of which are published in this journal. The discussion entails the achievements in modern German studies by Russian and German scholars, as well as the issues that are still debated. The democratic potential of the German revolution of 1918–1919 was implemented only at the level of declarations and legal texts, yet it did not become the guiding line in policy-making neither for the active population, nor for the government agencies. The conference articles substantiate this conclusion on the example of the ideological climate of the Weimar republic, the conduct of its military and political elite, and of its diplomatic corps. These articles address practically the whole range of topics and views comprising the modern historiography on Weimar Germany. The author underlines the thematic continuity and genetic inseparability of the Russian and Soviet scholarships in the study of the first formative years of Weimar history and at the same time focuses his attention on the newest trends in the modern perception of Germany after the end of the First World War. Some question that were previously actively discussed, above all the socio-economic transformation during the establishment of the Weimar republic, today have become of secondary importance and are not popular topics among the younger generation of scholars.

Key words: Reichspräsident, Reichswehr, democratic transition, Weimar republic, German revolution, First World War, diplomacy, fascism, historiography, elites.

О печальной судьбе Веймарской республики в Германии, просуществовавшей всего тринадцать с половиной лет, с августа 1919 г. по январь 1933 г., не писал только ленивый. Только в России за последние четверть века вышло около 140 диссертаций, монографий и статей, посвященных различным аспектам ее истории. Количество работ немецких авторов за тот же период давно перевалило за тысячу. В новейшей истории Германии есть только одна тема, пользующаяся еще большим интересом историков разных стран, – это история гитлеровской диктатуры.

В тени Третьего рейха и оказалась Веймарская республика, традиционно сопровождаемая в научной литературе эпитетами «не признанная никем», «сотканная из противоречий», «обреченная на крах». В то же время историки согласны с тем, что этот крах и сползание к самому страшному в мировой истории тоталитарному режиму не были запрограммированы изначально. Более того, революция 1918 г. и принятие демократической конституции первой Германской республики открывали уникальный шанс «нового начала» национальной истории, освобожденной от доминирования милитаризма и

крупного капитала, от верноподданнического духа и мелочного чиновничьего контроля. Как известно, данный шанс не был использован.

О причинах этого продолжают спорить в Германии, и приближающийся столетний юбилей окончания Первой мировой войны и установления Веймарской республики дает новые импульсы историографическим дискуссиям. Вероятно, это связано с сохраняющейся актуальностью темы демократического транзита, его потенциальных возможностей и преград, встающих на его пути. Развитие постсоветского мира, события «арабской весны» демонстрируют нам очевидные факты: нет и не может быть общепринятой дороги к демократии, детально расписанной политологическими звездами первой величины. Каждое государство, каждый народ развивается (или стагнирует) в результате уникального сочетания культурно-исторических и социально-политических «вызовов», которые ему приходится преодолевать на своем пути. Тот, кто не справляется с ними, становится законченным сюжетом прошлого, тем самым «уроком истории», который пытаются донести до ныне живущих поколений профессиональные историки.

Еще одним общим местом историографии является утверждение, что Веймарская республика родилась под несчастливой звездой Версальского мира, став составной частью «диктата победителей». Ни в коей мере не отрицая данного факта, российские и немецкие историки, собравшиеся в Волгограде на конференцию «Хрупкая демократия: новейшие исследования о становлении Веймарской республики», сделали акцент на изучении внутренних факторов, «скрытых пружин», определивших лицо и суть первой германской демократии. Их гипотезы, аргументы и выводы представлены в статьях, сформировавших специальный выпуск, первый (и, будем надеяться, не последний) в практике «Исторического журнала: научных исследований». Это избавляет его составителя от необходимости углубляться в содержательные перипетии научных дискуссий, звучавших в ходе конференции. Несомненно одно – в ее материалах, пусть даже пунктиром, представлен практически весь спектр тем и мнений, которые характеризуют современное состояние историографии Веймарской Германии.

Конференция состоялась 29–31 октября 2014 г. в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете, ученые ко-

торого в очередной раз продемонстрировали, что сочетают в себе качества радушных хозяев и строгих научных экспертов. Огромную работу по ее организационной подготовке провела профессор кафедры всеобщей истории ВГСПУ Татьяна Васильевна Евдокимова. Тематика конференции давно вызревала в дискуссиях и научных мероприятиях Рабочей группы историков-германистов (www.rusgermhists.ru). Наряду с Евдокимовой в инициативную группу, разработавшую программу конференции, вошли автор этих строк, профессор Ярославского госуниверситета им. Демидова М. Е. Ерин (к сожалению, не доживший до момента проведения конференции) и профессор Ивановского госуниверситета В. Л. Черноперов.

Московское представительство Фонда Конрада Аденауэра и Германский исторический институт в Москве оказали необходимую финансовую и организационную поддержку в проведении конференции. Благодаря этому в Волгоград прибыли российские ученые-германисты из Москвы, Иванова, Кемерово, Воронежа, Саратова, Брянска, Костромы, а также известные и молодые немецкие историки из Мюнхена, Фрайбурга, Гамбурга и Парижа. Не отсылая читателя к отдельным статьям, собранным в журнале, хотелось бы высказать несколько личных соображений, указывающих на достижения, характерные черты и белые пятна новейшего этапа изучения Веймарской республики в двух наших странах.

Одним из существенных тормозов развития исторической (да и не только исторической) науки в современной России является дефицит свежей научной информации из-за рубежа. Каналы общения отечественных ученых-германистов с ведущими немецкими исследователями основываются, как правило, на личной инициативе и выстраиваются в индивидуальном порядке. А ведь без детального знакомства с трудами коллег невозможно ни формирование собственной методологической позиции, ни освоение новых источников. Поэтому закономерно, что первая секция конференции была посвящена представлению новейших российских и германских работ, затрагивающих внутриполитические аспекты истории Веймарской республики.

Если в советскую эпоху акцент делался на «упущенные шансы» Германской революции, под которыми понимались установление диктатуры пролетариата и социалистическая перспектива, то начиная с 1990-х гг. маятник качнулся

вправо. Интерес исследователей к деятельности праворадикальных сил (Пангерманский союз) и военизированных формирований (фрайкоры), к идеологии и идеологам «консервативной революции» вполне объясним и оправдан. Именно в правом лагере нашли свое прибежище авторитарные традиции имперского прошлого, именно в нем шла неустанная работа по дискредитации либеральных ценностей и демократических институтов Веймара. Этим проблемам была посвящена специальная секция конференции, вызвавшая наибольший интерес ее участников и слушателей.

За последние четверть века отечественные исследователи освободились от большинства идеологических схем, которые были привнесены в науку извне. Речь идет среди прочего о безгрешности коммунистов, предательстве социал-демократов, сведении всех буржуазных партий в один реакционный лагерь, ставший колыбелью нацистской диктатуры. К числу новых сюжетов, которые удостоились внимания современных российских историков, относятся реконверсия германского хозяйства и «ментальная демобилизация» общества, приятие или неприятие демократических ценностей, геополитический передел Центральной Европы и судьба немецкого населения, которое оказалось за пределами рейха и стало объектом националистической пропаганды.

Пока еще рано говорить о формировании в российской науке целостной картины становления Веймарской республики, сопоставимой с той, что была дана в трудах советских историков. В университетском научно-педагогическом процессе место этих трудов заняли обзорные работы известных немецких исследователей Генриха Августа Винклера и Хорста Меллера, переведенные на русский язык в последние годы.

Считая их «классикой жанра», подрастающее поколение российских историков утверждает во мнении, что в Германии господствует консенсус по ключевым сюжетам веймарской истории, что совершенно не соответствует действительности. Вольфганг Нисс, на которого ссылается в своей статье Юрген Царуски, насчитал как минимум одиннадцать «образцов интерпретации» Германской революции 1918–1919 гг. Можно не сомневаться в том, что при внимательном рассмотрении столь же многоцветными в современной немецкой историографии окажутся и иные сюжеты ранней истории Веймара.

Ее полная картина невозможна без анализа взглядов тех политических деятелей, которые оказались у руля Веймарской республики на начальном этапе ее существования. Если ранее и российские, и зарубежные историки предпочитали заниматься отдельными партиями и общественными движениями, то ныне объектами изучения становятся различные социальные, региональные и профессиональные группы. Среди последних речь идет прежде всего о той части политической элиты Германской республики, которую современники вначале с уважением, а затем и с сарказмом называли «демократами первого часа».

Именно их усилиями была разработана такая конституция, которую по масштабам провозглашенных прав и свобод не превзошел даже Основной закон ФРГ, принятый в 1949 г. и действующий поныне. Однако за красивым фасадом Веймарской конституции не скрывались прочные несущие конструкции. Для простых немцев право на труд, земельный надел или жилище так и оставалось пустым звуком, что делало общественное сознание крайне восприимчивым к пропаганде радикальных популистов.

Демократы, зажатые между политическим прошлым, в котором жила основная масса населения, и демократическим будущим, понятным только горстке государственных деятелей, подверглись ожесточенным нападкам и справа, и слева. В таких условиях политическая элита Германской республики шла за событиями, а не опережала их, потеряв в ежедневной борьбе с радикальными угрозами собственное видение оптимальной государственной структуры. Деятели «веймарской коалиции» из года в год занимались политической импровизацией, удерживая на плаву корабль германского государства. Однако это и стало той миной «замедленного действия», которая подорвала расшатанные в условиях экономического кризиса устои Веймара, превратила конституцию республики в пресловутый клочок бумаги.

Отношение к Веймарской республике оказавшейся не у дел военной касты остается излюбленной темой современной историографии и в России, и в Германии. Консенсусным в ней является признание того, что военный аппарат в годы Веймара воспринимал себя не инструментом государственной власти, а ее высшим олицетворением. Не имея возможности опереться на республикански настроенную армию для ликвидации социальных беспорядков, социал-демо-

краты в лице Густава Носке были вынуждены использовать добровольческие отряды из ветеранов Первой мировой войны, отличавшиеся особой жестокостью.

Весной 1921 г. был создан относительно монолитный рейхсвер. Он так и не стал армией республики, однако воздержался от участия в мятежах радикалов и рассматривал себя как гарант устойчивости государственного порядка. Военная элита имперской эпохи была подвергнута серьезной чистке прежде всего в результате подписания Версальского мира, а не исходя из внутривнутриполитических соображений. Германский генералитет, частично отправленный в отставку, затаился на какое-то время, чтобы впоследствии активно включиться в формирование нацистского вермахта.

Смирившись с независимой от исполнительной и парламентской властей армией как «меньшим злом» по сравнению с угрозой радикализации революции, лидеры Веймара фактически открыли путь к созданию военизированных партийных формирований. Последние проявили свой амбивалентный характер в последующие годы, став фактором как стабилизации, так и крушения первой германской демократии.

Наконец, далеко не последнюю роль в принятии судьбоносных для Веймара политических решений сыграли немецкие дипломаты. Достаточно упомянуть такой факт, как назначение в марте 1919 г. кадрового дипломата Рудольфа Надольного главой администрации рейхспрезидента Фридриха Эберта. Прагматизм германских политиков, участвовавших в работе Парижской мирной конференции, не позволяет говорить о том, что они руководствовались эмоциональными побуждениями.

Детальный анализ такого феномена общественной жизни Веймарской республики, как «травма Версаля», также показывает, что он не являлся абсолютным приоритетом для профессиональной дипломатии. Многие традиции и методы работы, характерные для империи Гогенцоллернов, были воспроизведены во внешнеполитическом ведомстве Германской республики. И лишь структурная реформа МИДа, проведенная в начале 1920 г. и устранившая многие атавизмы (как, например, противопоставление консульской и дипломатической служб), стала прорывом в будущее и заложила традиции, сохраняющиеся во внешней политике современной Германии.

В рамках упомянутой реформы в структуре внешнеполитического ведомства появился «русский отдел», на долю которого выпало восстановление дипломатических отношений с Советской Россией. Без учета влияния российской революции на формирование общественно-политического климата в послевоенной Германии невозможно представить себе полную картину становления Веймарской республики. Важную роль здесь как раз и играли немецкие дипломаты, транслировавшие во властные структуры собственные представления о степени «большевистской угрозы».

В огромном море аналитических записок и донесений, сохранившихся в архиве германского МИДа, было бы тщетно искать признания за российскими большевиками роли выразителя интересов социальных низов, а тем более – протеста последних против ужасов мировой бойни. Сила идей коренного переустройства общества, какими бы утопическими они ни оказались на практике, слишком долго не принималась в расчет политической элитой западных стран. Эта элита с трагическим опозданием заметила приход нового, пусть даже «короткого», XX века – века радикальных идеологий и харизматических вождей.

Материалы конференции, публикуемые в журнале, ни в коей мере не претендуют на полный охват обсуждавшейся темы. Ряд сюжетов, например революционная повседневность, освобождение германского общества от имперских стереотипов и формирование в нем новых «образов врага», все еще ждет своих исследователей. Некоторые проблемы, активно изучавшиеся ранее, и прежде всего социально-экономические преобразования на этапе становления Веймарской республики, ныне отошли на второй план и не пользуются спросом у молодого поколения историков.

Эволюция исторической науки не свободна от конъюнктурных влияний извне, и историографическая рефлексия способна выправить подобные перекосы, сформировать правильный баланс ключевых и побочных процессов. И в этом плане представленные вниманию читателя статьи российских и германских ученых делают общее и весьма полезное дело, являясь к тому же достойной увертюрой к неуклонно приближающейся полосе столетних юбилеев европейских революций, открывших собой эпоху современности.